

ПЕРЕВОД С БАЛКАНСКОГО
НА БАЛКАНСКИЕ И НЕБАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ПЕТРЕ М. АНДРЕЕВСКОГО «ПИРЕЈ»)

Ирина Александровна Седакова

*Институт славяноведения
Российской академии наук (Москва)
irina.a.sedakova@gmail.com*

Роман известного македонского писателя Петре М. Андреевского «Пиреј» (Андреевски 2008) повествует о повседневной сельской жизни на фоне балканских войн начала XX века (подробнее см.: Проскурнина 2006; Седакова 2013). События передаются через прямую речь двух главных героев, Велики и Йона, мужа и жены, монологи которых насыщены народными афоризмами, благопожеланиями, проклятиями, присловьями и экспрессивной фразеологией. Вся ткань повествования пронизана прямыми «цитатами» из македонских обрядов и поверий, которые зачастую носят общеполубанский характер. В докладе рассматривается, какие стратегии выбирают переводчики — пересказ и добавление, умолчание (опущение), объяснение в примечаниях — для передачи македонских (и балканских) фольклорно-этнографических сведений и отражения разговорной стилистики произведения.

Роман «Пиреј» переведен на русский (Андреевский 2008), английский (Andreevski 2009), немецкий (Andreevski 2018), хорватский (Andreevski 1983) и болгарский (Андреевски 1996) языки, из которых недоступным для нас остался текст на хорватском¹. Все переводы выполнены специалистами-македонистами, а часть — в соавторстве с носителями языка оригинала. На русский язык роман перевела македонист О. Панькина, на немецкий — филолог И. Лангнер, работавший лектором в Университете Скопье, а консультировал его исследователь творчества П. М. Андреевского Гоце Смилески. Английский перевод осуществил англо-македонский тандем — У. Фёрт и М. Симяновска².

¹ Благодарю К. Михайлову, Н. Няголову и М. Бобрик за помощь в работе с переводными текстами.

² Целью доклада является не оценка переводов, а сопоставительный анализ переводческих стратегий.

Несколько особняком стоит болгарская версия романа, автором которой выступил болгарский писатель-сценарист Славе Македонски. Она представляет собой адаптацию текста для театральной постановки, поэтому переводчик почти вдвое сократил роман и изменил повествование, добавив к Йону и Велике других «говорящих героев». К тому же он наполнил текст промакедонскими высказываниями и по-иному расставил акценты в болгарско-македонском дискурсе, включил в перевод декларативные идеологические заявления от себя и др.¹. Мы использовали этот перевод, сравнивая лишь неизменные фрагменты.

Этот перевод для анализа в балканистическом ракурсе особенно важен: в силу близости западных болгарских диалектов к македонскому и ряда других лингвистических и экстралингвистических причин «македонское» воспринимается болгарскими как «свое». С. Македонски в своем переводе стремится усилить восприятие «близости» средствами языка (см. ниже), но при этом встает на сторону македонцев (краткое объяснение данного феномена будет дано в докладе) и всячески отдалается от болгар (Липчева-Прахдева 2019). Таким образом, в болгарском переводе особенно ярко воплощаются оппозиции «свое» — «чужое», «близкое» — «далекое», «общее (балканское)» — «индивидуальное» и их парадоксальный синкретизм.

«Народную» стилистику романа в болгарской версии подчеркивает западный «экавский» диалект, избранный С. Македонским в качестве языка перевода. Последовательное *e* на месте ятя (*нема, некъде, бех*), предлог *y* вместо литературного *v*, членная форма *-o*, лексика (*приквечер, момячета* и др.) используются и для того, чтобы показать близость этого идиома к другим балканославянским языкам (в частности, восточным диалектам сербского), то есть задать балканскую перспективу и вместе с тем подчеркнуть сходство болгарского с македонским.

Роман начинается с описания похорон Велики, в которое включены отрывки из панихиды, звучащей из уст сельского священника. Эти цитаты содержат разного рода ошибки, которые демонстрируют типичные для балканославянских языков черты, нашедшие в данном случае отражение в восприятии и передаче церковнославянской службы. Это утрата падежных окончаний и отсутствие именной сочетаемости, переход *и* в *ѣ* и отвердение согласных в конце слова и в промежуточной межкон-

¹ Здесь необходима еще одна оговорка: анализ болгарско-македонских отношений, в том числе языковых, не входит в задачи данного исследования.

сонантной позиции. Однако ошибки говорят не только об изменениях в структуре македонского языка — они сообщают и о том, что сельские священники в балканских странах начала XX века плохо знали служебные тексты (они не получали образования и вынуждены были запоминать молитвы со слуха). Для балканистов подобные ошибки служат важной характеристикой текста как балканского, однако для читателей, далеких от филологии, более существенной интерпретацией будет безграмотность священника. Именно вторая идея и доминирует во всех переводах, хотя она воплощается с вариациями. Так, в русском переводе отрывки из панихиды даются почти без изменений, по канону, ср. макед. *Во блаженом* (здесь и далее выделение мое. — ИАС.) *успением вечниј покој подажд, господи, усопиују рабу твојеј Велика и сотвори еј вечнују памјат...* (Андреевски 2008: 76) и рус. *Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшей рабе Твоей Велике и сотвори ей вечную память* (Андреевский 2008: 12); *Еште молимсја о упокоених души усопшеј рабеј твојеј...*; *Ещѣ молимся о упокоении души усопшей рабы...* (Андреевский 2008: 11). В русском переводе, в отличие от македонского оригинала, ошибок почти нет. Появляющееся и вроде бы незаметное рус. *Ещѣ* сигнализирует о некотором нарушении канона, о его «обрусении» (употребление *ѣ*), однако грамматические балканские особенности аналитизма, столь важные для лингвистов, в переводе опускаются, они оказываются совершенно нерелевантными для переводчика. В английском переводе отход от канона тоже незначителен, наблюдается некоторое снижение стиля: *Вечная память* передается разговорной, обыденной формулой: *Live forever*, а не *Memory eternal* (Andreevski 2009: 21). Немецкий перевод наиболее точно передает наличие грамматических ошибок в словах священника. Неточности (неграмотность, плохое владение языком службы) заметны в глагольных флексиях: *begangen* вместо *begangenen*, в фонетике, что передается неверной орфограммой: *Dinerin* вместо *Dienerin*. Незнание священником собственно молитвенных текстов передано через пропуск слова: *und unabsichtlich* «и невольному» (Andreevski 2016: 11).

Рассмотрим еще один пример, также из описания погребения, в данном случае существовательное, за которым стоит значительный фрагмент народно-культурного балканского знания. В эпизоде отпевания и погребения Велики упоминается знаковое для поминального словаря *кости* «кости», что служит устойчивым обозначением останков. Известен балканославянский ритуал вторичного погребения костей (Толстая 2015),

и в романе, возможно, мы имеем дело с аллюзией на этот обычай. Уля Мегленоская просит священника отпеть прежде умерших детей Велики: *Aj, pone, и коските од децата*, букв. «Ну, поп, и кости детей» (Андреевски 2008: 76). Ни в русском, ни в английском слово *кости* не фигурирует, ср. рус.: *Батюшка, еще и детей помяни...* (Андреевский 2008: 12) и англ., совершенно нейтральное: *Father please, also pray for her deceased children* «Отче, помолись и за умерших детей» (Andreevski 2009: 21). Однако в немецком переводе *Die Gebeine der Kinder* используется лексема *Gebeine*, которая совмещает значение ‘кости’ и ‘останки’ и наиболее точно передает исходный контекст (Andreevski 2016: 11). После поминовения детей священник произносит *Бог да ги прости* (традиционная поминальная формула «Да простит их Бог») и не очень понятную короткую фразу: *Коските одозгора*, букв. «Кости сверху» (Андреевски 2008: 77). Эти слова (традиционная балканославянская словесная формула *Да прости их Бог* и обрывок фразы о костях) русским и английским переводчиками передаются различно, ср. рус. *Мир праху, костям покой* (Андреевский 2008: 12), англ. *May God bless their souls. Place the children's bones on top of the coffin* «Да благословит Господь их души. Положите кости детей сверху на гроб» (Andreevski 2009: 22). В немецком же — *Der Herr sei ihnen gnädig... Legt die Knochen obendrauf...* «Да будет Господь милостив к ним. Положите кости сверху» (Andreevski 2016: 12).

В речи героев романа используется немало клятвенных формул и присловий, многие из которых имеют балканские корни и требуют особого внимания при переводе. Выражение *Леба ми* («Клянусь хлебом») (Андреевски 2008: 76), известное и другим балканским славянам, в русском тексте переводится как «Могу поклясться» (Андреевский 2008: 12), в английском — *I swear to God* «Клянусь Богом» (Andreevski 2009: 21), а в немецком — *Ich schwör's* «Клянусь» (Andreevski 2016: 11). Все переводчики прибегают к генерализации, отходу от начального образа. Между тем клятва хлебом относится к архаическим пластам фразеологии и связана с типичной для балканцев сакрализацией хлеба.

В романе П. Андреевского упоминается немало балканских мифологических персонажей и демонов. Андреевский, описывая недюжинную силу Велики, работающей в поле, использует мифологический образ *ламја*, известный балканославянским демонологическим системам, — это крылатый змей, «облакопрогонник», отличающийся силой и прозорливостью (ср. характеристику ламии в: Плотникова 2004: 226). Македонское *Ваква ламја не сум видел... оваа сите може да ги носи под*

мишка переведено на русский как *Ей-Богу, такой работницы я не видел... всех этих за пояс заткнет* (Андреевский 2008: 25), то есть с нейтральным *работница* вместо мифического персонажа *ламја*. В английском варианте *Honest in God I have never seen such a glutton for work... She can move mountains* «Перед Богом говорю, такой жадной до работы я в жизни не видел... Она может горы свернуть» (Andreevski 2009: 34) экспрессивное *glutton* ('обжора', ср. *gluttony* 'один из смертных грехов, чревоугодие'), которое хотя и не передает мифологических балканских аллюзий о змее, однако в одном из значений соотносится с ненасытностью человека, подобно тому как и балканская *ламја* характеризуется прожорливостью. Немецкий переводчик предлагает следующий вариант: *Bei Gott, so einen Arbeitsdrachen hab ich wirklich noch nie gesehen... Die kann sie alle in die Tasche Strecken* (Andreevski 2016: 30). Сложное слово, неологизм *Arbeitsdrachen*, первая часть которого означает «работу», а вторая часть — '(крылатый) змей', 'дракон', что очень точно соотносится с балканским мифическим персонажем *ламја*. С. Македонски в болгарском варианте акцентирует и усиливает мифологическую ассоциацию, упоминая при характеристике Велики еще один демонический персонаж, аналогичный змею *ламја*, — *хала*: *Такава ламя за работа виждам за пръв път. Тая, бате, рекох, каквата е хала, не само ги надработва другарките си, ами и под мишицата си би ги понесла като приквечер преконат царевицата и си тръгнат* (Андреевски 1996: 15). Усиливает мифологические мотивы болгарский переводчик С. Македонски и в других контекстах. Так, в эпизоды, в которых описывается жизнь женщины, он вставляет мифологические концепты, используя лексику *орисия* «судьба», однокоренную с обозначением балканославянских мифологических персонажей *орисници*, предсказывающих младенцу его будущее (Седакова 2007: 195–200). В болгарском мы встречаем упоминание судьбы *орисия* неоднократно: *Пустата ни женска орисия... Такава е женската орисия, подир сватбата става нива на стопанина свой* (Андреевски 1996: 23). В македонском оригинале: *Жената по мажењето станува нива* (Андреевски 2008: 101) мотив судьбы не лексикализуется. Ср. рус. перевод *Женищина, как замуж выйдет, начинает плодоносить* (Андреевский 2008: 35) с акцентом на фертильность, а также английский *After marriage a woman's like a fertile field* (Andreevski 2009: 43) и немецкий *Nach der Heirat wird die Frau zum Acker* (Andreevski 2018: 44) переводы с сохранением метафоры «нивы», без намеков на «женскую долю».

В докладе анализируется ряд других примеров, которые демонстрируют различные стратегии переводчиков при пересказе и интерпретации элементов балканской модели мира, представленной в македонском романе.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевски 1996 — *Андреевски, Петре М.* Пирей: Корен неумирац / Превод от македонски Славе Стоянов Македонски. София; Благоевград: Макед. книжовник, 1996.
- Андреевски 2008 — *Андреевски Петре М.* Дениција. Пиреј / Избор и предговор В. Смилевски. Битола: НИД, 2008.
- Андреевский 2008 — *Андреевский Петре М.* Пырей. Перевод с македонского О. Панькиной. Скопье, 2008.
- Липчева-Праждева 2019 — *Липчева-Праждева, Любка.* Македонският роман в превод — две десетилетия в два контекста // България — Македонија — Словенија: Межкултурни диалози в XXI век. София: Аз-Буки, 2019. С. 101–120.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Проскурнина 2006 — *Проскурнина М. Б.* Македонский роман 1980–2000 гг. (К проблеме национального в литературе) // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Индрик, 2006. С. 290–324.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007.
- Седакова 2011 — *Седакова И. А.* Свет и цвет в романе Петре М. Андреевского «Пырей» // Балканский спектр: от света к цвету: Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 г. / Макарец М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. (Балканские чтения. 11.) С. 119–123.
- Толстая 2015 — *Толстая С. М.* Обычаи «вторичного погребения» на Балканах // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
- Andreevski 1983 — *Andreevski, Petre M.* Pirika / Prev. Borislav Pavlovski. Zagreb: Znanje, 1983.
- Andreevski 2009 — *Andreevski Petre M.* Pirey / Transl. from Maced. Will Firth and Mirjana Simjanovska. Skopje: Pollitecon Publications, 2009.
- Andreevski 2018 — *Andreevski Petre M.* Quecke / Übersetzt von Benjamin Lager. Berlin: Guggolz Verlag, 2018.